

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Татьяны Владимировны Нужной

«Архетипическая образность литературы французского романтизма»,

представленной на соискание ученой степени

доктора филологических наук

по специальности

5.9.2. Литературы народов мира

Диссертация Т. В. Нужной порождает противоречивые впечатления: с одной стороны, очевидно, что автором проделана колоссальная исследовательская работа как в плане освоения теоретической и энциклопедической литературы по проблемам романтизма, так и в плане конкретно-исторического или мифопоэтического анализа творчества и отдельных произведений французских романтиков или писателей более или менее обосновано относимых к таковым: О. де Бальзак, Ж. Верн, В. Гюго, П. Мериме, Ж. де Нерваль, Ж. Санд, Ж. де Сталь, Стендаль, Ф.-Р. де Шатобриана. С другой стороны, работа Т. В. Нужной как будто упраздняет предшествующий историко-литературный дискурс, заменяя его собственным методом рассуждения о литературе, в основу которого положена так называемая архетипическая образность. Следствием этого выбора в пользу теории, подразумевающего явный ущерб истории литературы, оказывается своего рода пробел, если не сказать некая содержательная пустота, представляющая собой главный камень преткновения для оценки данной диссертации со стороны историка французской литературы, каковым я себя считаю. Исследовательская мысль Т. В. Нужной как будто нуждается в этой пустоте, благодаря которой выдвинутая в диссертации концепция обретает отчетливые очертания. Автор работы о многих предметах рассуждает так, как будто прежде о них ничего не было сказано, временами подменяя диалог с научной традицией, с авторитетными литературоведами, занимавшимися и занимающимися актуальными проблемами французского романтизма, изобиль-

ным самоцитированием и ссылками на источники, имеющими косвенное отношение к теме диссертации. Чтобы не быть голословным, укажу, что в некоторых разделах самоцитирование занимает до 30% текста диссертации; среди сомнительных научных источников упомяну полу-анонимный Фонд знаний «Ломоносов» <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0129900>; статью Дементьева И.Ю. Образы Фемме фаталь и Прометея в романах французского романтизма [Электронный ресурс] // Язык и культура. Т.2. Номер 1. 2010. Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/18088/langculture_2010_1_dementeva.pdf Дата обращения: 10.02.2021; а также «Литературный энциклопедический словарь / [подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др.]; под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Москва: Сов. энцикл., 1987. – 750 с.». никоим образом не ставя под сомнение научную основательность последнего издания, безусловно отличающую его от двух приведенных выше источников, замечу, тем не менее, что, с моей точки зрения, энциклопедическое издание почти сорокалетней давности, отмеченное к тому общими местами советской риторики, не может использоваться без некоторых оговорок в исследовании, претендующем на научную актуальность.

Диссертация состоит из «Введения», 4 развернутых глав, «Заключения» и «Библиографии», включающей около 600 источников. Особого упоминания заслуживают монография и статьи Т. В. Нужной, в которых представлены основные положения работы: речь идет о 50 статьях, общим объемом 22,25 п. л., 18 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК РФ, а также монографии «Мифопоэтика пространства и времени во французской литературе» объемом (Санкт-Петербург: «Петрополис», 2022. 294 с.). Иными словами, с одной стороны, перед нами огромный корпус научных исследований, создававшийся автором на протяжении почти 20 лет и получивший апробацию в авторитетных научных изданиях. Вместе с тем, не могу не отметить того обстоятельства, что исследование Т. В. Нужной представляет собой своеобразную попытку продолжения научных традиций кафедры истории зарубежной литературы СПбГУ, выпускницей которой она является: примечательно, что в разделе «Библиография» приводятся около 16 названий работ Т. В. Соколовой, являющейся

бесспорно самой авторитетной в России специалисткой по литературе Франции первой половины XIX века.

Однако, с другой стороны, в работе Т. В. Нужной сразу обращают на себя внимание некоторые проблематичные стороны исследования. Все они по существу сводятся к проблеме метода. Ни в тексте диссертации, ни в тексте автореферата нет раздела, где была бы представлена методология исследования. Вместо понятия «метода» во «Введении» обстоятельно обсуждается понятие «архетипической образности», которое, судя по всему, выполняет роль основного рабочего понятия исследования. На критическом анализе этого понятия, позволительно будет остановиться ниже, а сейчас хотелось бы обратиться к разделу под названием «Библиография», в котором среди более чем 500 наименований критических и теоретических исследований практически нет ни одного авторитетного актуального исследования по истории и теории французского романтизма из числа опубликованных во Франции за последние 20 лет. За исключением двух источников: лекции о страсти Жорж Санд к ботанике, прочитанной в 2016 году провинциальным агрономом-пенсионером (*Autran J.-C. Origines de la passion de George Sand pour la botanique // Conférence de Jean-Claude Autran au Revest le 28 mai 2016*), а также статьи о происхождении слова романтизм в европейских языках, опубликованной в журнале «Critique» в 2009 году: (Décultot E. Les pérégrinations européennes du mot romantique // *L'Europe romantique, revue Critique* 2009. n° 745-746, juin-juillet . P. 450–462). Замечу, что данная статья, принадлежащая перу авторитетной французской германистки, процитирована на 136 с. диссертации и по существу является единственным актуальным научным источником по теме диссертации, принадлежащим пространству современной французской науки о романтизме. Опять же справедливости ради замечу, что в «Библиографии» встречаются отдельные работы по отдельным аспектам отдельных произведений французской литературы рассматриваемого периода, но в глаза бросается блистательное отсутствие в ней как классических трудов по теории и истории французского романтизма (*Paul Bénichou. Romantismes français. T. I–II, P., 2004; Michel Brix. Le Romantisme français : esthétique platonicienne et modernité littéraire, Namur, Société des études classiques,*

1999; *Daniel Couty, Robert Kopp (éd.), Romantisme et révolution(s)*, Paris, Gallimard, 2008 и т. д.), так и новейших франкоязычных исследований.

С моей точки зрения, подобное невнимание к актуальным работам по истории и теории романтизма несколько снижает как актуальность предпринятого исследования, так достоверность полученных в диссертации результатов. Подобное невнимание тем более непродуктивно, что во Франции вот уже несколько десятилетий выходит в свет специальный журнал «*Romantisme*» с подзаголовком «Обзорение XIX века», посвященный исследованиям по теории и истории европейского романтизма, где рассматриваются актуальные аспекты истории искусств, литератур и гуманитарных наук девятнадцатого столетия, которое во Франции порой называется «Веком романтизма: в год выходит 4 номера, двадцать лет издания находятся в свободном доступе на портале Cairn : <https://www.cairn.info/revue-romantisme.htm>. До настоящего времени опубликовано более 200 номеров, освещающих различные аспекты французской и европейских литератур XIX века. Упомяну в этой связи также энциклопедический «Словарь романтизма» (*Dictionnaire du romantisme*, Alain Vaillant dir., Paris, CNRS éditions, 2012.) опубликованный в 2012 году группой французских литературоведов под руководством Алена Вайана, главного редактора упомянутого журнал «*Romantisme*»: сводная библиография по романтизму во Франции занимает в нем несколько десятков страниц. Разумеется, невозможно обозреть необозримое, но сознание необходимости работать в русле новейшей научной литературы могла бы помочь избежать некоего интеллектуального провинциализма, печатью которого, к моему глубокому сожалению, отмечена диссертация Т. В. Нужной.

Невнимание к актуальным концепциям романтизма распространяется не только на франкоязычные исследования. В исследовании обойдена молчанием одна из самых громких и одна из самых новаторских работ по теории романтизма, появившаяся в России более 20 лет тому назад: докторская диссертация и моно-

графия С. Н. Зенкина: *С. Н. Зенкин. Французский романтизм и идея культуры: Аспекты проблемы* (М.: РГГУ, 2001. 144 с.)¹. В этой работе, нашедшей отклик во французских гуманитарных науках², устанавливается важнейший методологический принцип, который может быть использован в аналитической работе с огромными массивами исторического прошлого, которым безусловно является французский романтизм. Методология исследования С. Н. Зенкина соотносится с «археологией знания», как она определяется в работах М. Фуко. Действительно, при анализе больших исторических массивов, а таким массивом и является эпоха романтизма в широком смысле, следование такому методу, который нацелен на выяснение не столько «генетической или каузальной детерминации», сколько системной соотнесенности, не может не быть оправданным.

Эти предварительные замечания относятся, так сказать, к тому, чего в диссертации нет, но главная задача оппонента, насколько я ее себе представляю, заключается в другом: а именно в анализе и оценке диссертации, представленной в Совет, поэтому в дальнейшем изложении я постараюсь идти строго по тексту исследования Н. В. Нужной. Правда, вновь придется говорить об существенных опущениях.

Начнем с того, что ни в тексте самой диссертации, ни в тексте автореферата не предпринимается сколько-нибудь последовательной попытки дать определение, что же автор диссертации имеет в виду, говоря о «романтизме»: литературное движение, литературную систему, литературную школу или литературную эпоху. Разумеется, от этого замечания можно отделаться, сказав, что в виду имеются и первое, и вторая, и третья, и четвертая. Но этого в диссертации не делается: из проанализированного словоупотребления можно заключить, что романтизм рас-

---

¹ См.: *Фокин С. Л.* [С. Н. Зенкин. Французский романтизм и идея культуры]//Новая русская книга. 2001. №1. Электронный ресурс: <https://magazines.gorky.media/nrk/2001/2/s-n-zenkin-francuzskij-romantizm-i-ideya-kultury.html>

² *Zenkine S.* L'Expérience du relatif. Le romantisme français et l'idée de culture, Paris, Classiques Garnier, 201, 244 p. См. также : *Schnapper D.* Le relativisme culturel : signification et limites// *Commentaire*, 2009/4 (Numéro 128), p. 893-900. DOI : 10.3917/comm.128.0893. URL : <https://www.cairn.info/revue-commentaire-2009-4-page-893.htm>

считается преимущественно как эпоха, более того, в некоторых пассажах текста походя утверждается, что это эпоха 1789–1850-х годов. Справедливости ради повторю, что на с.136 диссертации приводится хрестоматийная этимологическая справка о происхождении и бытовании понятий «романтический» и «романтизм» в английской, немецкой и французской литературах. Эта справка не решает основной методологической проблемы, на которую я уже обращал внимание: в диссертации нет определения романтизма как одного из ведущих рабочих понятий исследования. Более того, в диссертации если и рассматривается, то исключительно эпизодически, само понятие «французского романтизма»: между тем, если учесть то важнейшее историческое обстоятельство, что идея романтизма рождается в европейских литературах одновременно с идеей нации, равно как с идеей истории, то следует полагать, что национальное своеобразие романтических веяний в литературах отдельных европейских странах приобретает первостепенное значение. Вместе с тем, принимая во внимание тот историко-литературный факт, что движения романтиков в Германии и России имели ярко выраженный антифранцузский характер, должно думать, что сама идея романтизма во Франции была предельно проблематичной: разумеется, что великолепное исключение из этого правила представляет собой творчество Ж. де Сталь, которое Т. В. Нужная превосходно знает, однако опыт создания антифранцузской концепции немецкой культуры, предпринятый легендарной соперницей Наполеона, был скорее маргинальным, что наглядно демонстрирует рецепция ее сочинения как в Германии, так и во Франции, так и в России.

В отличие от понятия «французский романтизм», термин «архетипическая образность» обстоятельно разъясняется во «Введении» (5–32) и в первой главе «Рождение архетипического образа во французском романтизме» (с. 33–56). В этих частях диссертации автор демонстрирует колоссальную начитанность по части научной, научно-популярной и энциклопедической литературы, посвященной архетипу и мифопоэтике. Наиболее заметным достижением первой главы исследования следует считать выделение ряда категорий архетипического образа во фран-

цузском романтизме: 1) бедный ребенок, ребенок-ангел, ребенок-божество; 2) вечная любовь, роковая страсть, любовь и самоубийство; 3) бедный художник, умный дворецкий, мудрый профессор и т. д. и т. п. Вместе с тем, одно из первых положений выводов по первой главе, согласно которому «тема формирования архетипических образов во французском романтизме практически не исследована» (с. 54), вызывает серьезные сомнения: наряду с процитированными категориями архетипических образов, а также рядом других – нации и национальности, мужчина и женщина и др., – разбираемых в первой главе, романтическое воображение Франции характеризуется внушительным спектром устойчивых смысло-образов – свобода и братство, демократия и аристократия, собственность и жертвоприношение, преступление и наказание, смех и грех, народ и тиран, Содом и Гоморра, вампиры и андрогини и т. д. Отсюда два первых вопроса для дискуссии: 1) Можно ли перечисленные смысло-образы французского романтизма отнести к архетипическим, особенно если принять во внимание, что в первой главе речь идет о именно о формировании архетипического образа в литературе Франции рубежа XVIII-XIX веков? Иными словами: где проходит граница между образами архетипическими и историко-характерологическими? 2) Можно ли утверждать, что, например, архетипический образ детства или женщины практически не исследованы, особенно если привести здесь всего несколько классических французских работ по указанной проблематике? (*Bercegol Fabienne, Peylet Gérard* (éd.), *Enfances romantiques*, *Eidôlon*, no 64, octobre 2003; *Bethlenfalvay Marina*, *Les Visages de l'enfant dans la littérature française du XIXe siècle : esquisse d'une typologie*, Genève, Droz, 1979; *Corbin Alain, Lalouette Jacqueline, Riot-Sarcey Michèle et al.*, *Femmes dans la cité, 1815-1871 : actes du colloque*, Paris, 20 et 27 novembre 1992, Grâne, Créaphis, 1997.).

Во второй главе «Персонажные архетипические образы во французской литературе эпохи романтизма» автор диссертации предпринимает попытку перейти с абстрактного уровня теории архетипической образности на более приземленный уровень анализа конкретных литературных текстов: речь идет о произведениях Э. д'Эрвильи, В. Гюго, Ж. Санд. Сразу подчеркну, что раздел (57-64), посвященный французскому писателю Эрнесту д'Эрвильи и его детской повести «Приключения

доисторического мальчика во Франции» (*Aventures d'un petit garçon préhistorique en France*, 1888), с лихвой искупает многие недостатки диссертации и представляет собой своего рода образец в жанре микро-исторического исследования, ценность которого тем выше, что речь идет о полузабытом не только в России, но и во Франции авторе. Не менее ценными представляются и наблюдения Т. В. Нужной над генезисом и эволюцией хрестоматийного образа Гавроша из романа В. Гюго «Отверженные». Трудно не согласиться с автором диссертации, когда она замечает: «И смерть его, с одной стороны, жертвенная, осознанная: он явно готов умереть во имя свободы и это напоминает гибель Христа, но, с другой, – все же неожиданная (в этом ощущается намек на гибель Гиацинта)» (с. 66). Вообще говоря, три первые раздела второй главы, посвященные образу детства во французской литературе XIX века, выдержаны в довольно строгой тональности добротного историко-литературного анализа и, несмотря на апелляции автора к архетипической образности, соотносятся скорее с принципами мифо-, психо- или этно-критики. Выводы по второй главе носят больше формальный характер: сосредоточенность на типах персонажей французского романтизма обуславливает достижение результатов, которые мало чем отличаются от тех, что могут быть получены в рамках традиционных подходов к изучению истории литературы. Вместе с тем, если вернуться к образу ребенка в литературе французского романтизма, то напрашивается наш следующий вопрос, который определяется больше историко-политическим контекстом, нежели архетипической образностью: нельзя ли связать появление новой фигуры детства в романтизме, отличающейся определенной автономностью, с трансформацией самой социальной структуры французской жизни, в ходе которой аристократическая модель семьи, доминировавшая в классический век и отличавшаяся разобщенностью родителей и детей, была вытеснена буржуазной моделью семьи, где ребенок входил в ближний круг насущных забот родителей? Разумеется, аналогичные, но не тождественные, трансформации затрагивали соответственно крестьянские и пролетарские семьи.

Третья глава «Архетипическая образность пространства и времени в литературе французского романтизма» представляет собой наиболее сильную часть

диссертационного исследования, поскольку, с одной стороны, включает в себе разделы, посвященные анализу произведений Ж. де Сталь, творчество которой Т. В. Нужная знает лучше чем кто-либо в России, с другой стороны, сосредоточена на рассмотрение такого традиционного сюжета в изучении романтизма, как пейзаж. Анализ функций пейзажа в произведениях Стендаля и Сенакура, Нерваля и Бальзака, Верна и Шатобриана проделан с филигранным мастерством и не вызывает никаких критических замечаний. Несколько выбивается из пейзажной линии этой главы анализ оппозиции поколений в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия», но он оправдывается соотношением пейзажного топоса с темпоральным аспектом романтического мировосприятия. Автор диссертации справедливо замечает в этой связи, что «...в романе «Коринна» образ воды и моря связывается с темой возраста. Герой, наблюдая за морской пучиной, вспоминает беззаботную юность, когда ощущение полноты жизни и физическая форма, рождало желание помериться силами с природными стихиями» (с. 255). Выводы главы представляются обоснованными, хотя, возможно, слишком лаконичными. Вместе с тем, они вызывают наш четвертый вопрос, который прямо не затрагивается в этой главе, но имплицитно присутствует в материале исследования. Действительно, на с. 257 справедливо утверждается, что «писатели-романтики, а также их последователи придавали важное значение спациологическим функциям национального пейзажа, имеющего отношение к категориям пространства и времени». Вместе с тем, как анализ пейзажа в избранных произведениях, так и классические представления о романтизме наглядно демонстрируют, что французских писателей-романтиков тянуло не столько к национальным пейзажам, сколько к иным пространствам – отсюда интерес к античности, хотя бы в виде руин, к Италии, которая предстает хранительницей древностей в современности, к Востоку наконец и иным далеким далям. Как можно было бы объяснить это противоречие – с одной стороны, ярко выраженное стремление к созданию национальной картины мира, хотя, конечно, во французском романтизме оно не столь наглядно, как в немецком, с другой – эта тяга к «иногде», если вспомнить полузабытое слово русского языка, которое в свое время столь энергично отстаивал П. А. Вяземский?

Глава четвертая «Имагологические архетипы во французской романтической традиции» начинается с обсуждения и обоснования понятия имагологии, которое, моей точки зрения, было бы более уместно во «Введении», так как речь идет об определении методологических принципов исследования. В разделе 4.1.1. «Поиски национальной самобытности: Ж. де Сталь о французах» автор диссертации обращается к одной из самых традиционных тем в исследовании французского романтизма – образу Наполеона, однако Т.В. Нужной удается придать ей оригинальный разворот, рассмотрев отношения Императора и Ж. де Сталь. Вместе с тем, наряду с в общем верными замечаниями о создании определенных национальных типов в сочинениях Ж. де Сталь, в рассуждениях автора диссертации просматривается тенденция к сглаживанию конкретных исторических противоречий, которые существовали между формирующимися европейскими нациями на рубеже XVIII–XIX веков. Напомню, что в начале девятнадцатого столетия Франция Наполеона, выступив под знаменем распространения политических свобод в Европе, реально действовала в виде своего рода «культурно-политического жандарма» старого континента: особенно остро это ощущали немецкие писатели-романтики, но такого видения Франции не была чужда и Россия.

Подводя итоги этого критического обзора диссертации Т. В. Нужной, подчеркну, что диссертационный совет оказывается перед сложным выбором: с одной стороны, не приходится отрицать, что соискательница степени доктора филологических наук проделала колоссальную исследовательскую работу, в результате которой ей удалось создать связную и убедительную научную концепцию, которая может быть востребована «при решении проблемы изучения архетипов в романтической литературе других стран, [которая] открывает перспективы для проведения исследований, которые могут иметь целеполагание в углубленном дальнейшем изучении различных аспектов архетипики как семиотической системы литературно-художественного текста» (с.303) и т.д.; с другой стороны, эта научная концепция создана через абстрагирование автора от актуального историко-лите-

ратурного дискурса Франции, в результате чего само понятие французского романтизма, которое фигурирует в диссертации, предстает несколько проблематичным.

Мне остается добавить, что, если судить в общем и целом, то можно полагать, что высказанные критические замечания не имеют безоговорочного, решающего характера и могут не влиять на общую положительную оценку представленной к защите диссертации. Можно констатировать, что диссертация представляет собой выношенное, зрелое, основательное научное сочинение, построенное на квалифицированном филологическом анализе конкретных произведений конкретных авторов избранной эпохи.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что изложенные в ней наблюдения и выводы могут быть использованы в университетской преподавательской практике: в курсах по истории зарубежной литературы рубежа XIX века, спецсеминарах и практических занятиях.

Автореферат и публикации автора в достаточной степени отражают содержание диссертации.

Как уже говорилось, текст диссертации занимает 359 страниц, в «Библиографию» включено около 600 источников. Монография «Мифопоэтика пространства и времени во французской литературе» и статьи Т. В. Нужной представляют основные положения работы: речь идет о 50 статьях, общим объемом 22,25 п. л., 18 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК РФ. Автореферат соответствует тексту диссертации. Таким образом, полагаю, что диссертация Т. В. Нужной «Архетипическая образность литературы французского романтизма», представленная на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 5.9.2. Литературы народов мира в диссертационный совет Д 24.2.273.05 на базе ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта», отвечает требованиям п. 9 – 14 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК России (Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842) и соответствует паспорту специальности 5.9.2. Литературы народов мира, автор диссертации, а ее

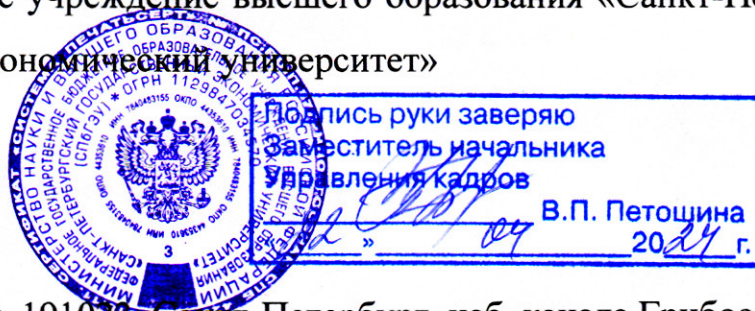
автор, Т. В. Нужная, заслуживает присуждения искомой степени по указанной специальности.

21 апреля 2024 года

доктор филологических наук по специальности

10.01.03 – литература народов стран зарубежья

(западноевропейская и американская) доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и перевода Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Фокин Сергей Леонидович

Россия, 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литер А.

контакты кафедры романо-германской филологии и перевода:

адрес: 191023, Санкт-Петербург, Москательный переулок, д. 4, ауд. 308

тел.: (812) 458-97-43

электронный адрес: dept.knsyap@unecon.ru